

Круглый стол “Проблемы концептуализации процессов общественной интеграции”

Идея проведения виртуального круглого стола, посвященного обсуждению проблем интеграции общества, возникла в ходе исследования группой ученых Института социологии НАН Украины социально-психологических факторов социальной интеграции украинского социума. Первоначально интеграция концептуально рассматривалась авторским коллективом в парсонсовской традиции, согласно которой интеграция в общество его членов предполагает наличие зоны взаимопроникновения между социальной и личностной системами. При этом составляющие культурной системы, как и социальной структуры, интернализированы в личностях, но в то же время составляющие культурной системы институционализированы в обществе¹.

Вместе с тем с самого начала было очевидно, что вряд ли целесообразно ограничиваться рамками социальной интеграции. На первый взгляд это выглядело парадоксально, поскольку системная интеграция, которая, согласно Локвуду, отражает характер взаимоотношений, устанавливаемых между частями самой социальной системы, не может быть предметом самостоятельного социально-психологического анализа, а социальная интеграция, включающая непосредственные связи между акторами в процессе их социального взаимодействия, наоборот, требует обращения к социально-психологическим характеристикам². Впрочем, сам Локвуд считал необходимым аналитически сочетать социальную и системную интеграцию, учитывая реальную неделимость интерактивного и системного аспектов общества. Распространенная традиция отождествления социальной и системной интеграции (“людей” и “составляющих”) с агентностью и структурой фактически не соответствует его видению, согласно которому агент может влиять на системную интеграцию так же, как структура — на социальную.

Исследователи опирались также на разработки других теоретиков, посвященные преодолению дихотомии данных форм интеграции. Прежде всего речь идет об Э.Гидденсе, у которого, несмотря на разведение социальной и системной интеграции в пространственном и временном измерениях, именно социальная интеграция означает системность на уровне межличностных взаимодействий. Важны также соображения Ю.Хабермаса, который полагал, что о социальной интеграции следует говорить применительно к системе институтов, в которых действующие субъекты устанавливают социальные взаимосвязи, а системную интеграцию рассматривать с точки зрения специфически управляемых проявлений саморегулируемой системы. Благодаря этому социальные системы могут поддерживать собственные границы и продолжать свое существование, преодолевая сложность постоянно меняющегося окружения. Соответственно, жесткость в размежевании форм интеграции теряет смысл, поскольку рамки между системой и жизненным миром имеют диффузный характер. Поэтому социально-психологические факторы интеграции можно вычеркнуть в обоих указанных контекстах.

Исходя из проведенной концептуализации были сформулированы предположения о том, что действие социально-психологических факторов интеграции может

¹ *Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А.Седова и А.Д.Ковалева; под ред. М.С.Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. — С. 21.

² *Lockwood D.* Social Integration and System Integration // *Explorations in Social Change.* — London: Routledge & Kegan Paul, 1964. — P. 244–257.

быть исследовано по крайней мере в трех разных контекстах. Аналитическим путем можно отделить “интеграцию общества” (системную) и “интеграцию в общество” (социальную). Вместе с тем по линии “дифференциация — интеграция” целесообразно процессуально говорить об “интеграции в обществе”, что позволяет объединить структурные и интеракционные моменты.

На этом этапе исследования было решено вынести некоторые ключевые моменты осуществленной концептуализации на обсуждение в формате виртуального круглого стола. Для участия в нем были приглашены коллеги из ведущих социологических центров страны. К сожалению, не все они смогли приобщиться к дискуссии, однако большинство приглашенных ответили на поставленные вопросы, что дало возможность значительно усилить оптику рассмотрения процессов интеграции в обществе.

Для обсуждения было предложено несколько блоков вопросов.

- Как соотносятся “интеграция общества”, “интеграция в обществе”, “интеграция в общество”? Какой понятийный ряд описывает интегрированность общества?
- Как развести процесс и результат интеграции? Можно ли рассматривать в качестве результата интеграции наличие демократического, сплоченного общества, в основе которого — общие ценности? Можно ли считать показателем интеграции наличие толерантности и сотрудничества между индивидами и разными группами населения в рамках единого государства? Что может быть определено как показатель интеграции при анализе отношения людей как к государству, так и друг к другу?
- Как взаимосвязаны координаты порядка (нормативность — аномийность, стабильность — нестабильность) с лояльностью (приятием или неприятием) существующего порядка? Какие еще координаты можно задействовать? В чем специфика социальной интеграции по сравнению с политической и др.?
- Как можно проследить интеграцию общества через процессы, происходящие в разных сферах: политической, юридической, социальной, образовательной, культурной и т.п.? Какие кейсы могут быть рассмотрены для анализа процессов интеграции в обществе?
- Как взаимосвязаны макро-, мезо- и микроуровень интеграции? Как на этих уровнях можно представить процесс и результат интеграции?

Елена Злобина

Как соотносятся “интеграция общества”, “интеграция в обществе” и “интеграция в общество”

Наталья Черныш, доктор социологических наук

Прежде чем прибегнуть к рассуждениям относительно интеграции, нужно, пожалуй, подчеркнуть, что в истории социологического теоретизирования и в современной социологической мысли это понятие понимают по-разному, что исключает возможность ее концептуализации “в общем” и требует выяснения аксиоматических (от греч. *axioma* — значимое, бесспорное, приемлемое положение) ядер нескольких, хотя бы самых распространенных подходов в ее понимании. Впрочем, это не исключает определенных зон консенсуса ученых, занимающихся данной проблематикой.

Подавляющее большинство дефиниций **интеграции** отталкиваются от латинских корней этого слова (*integer* — целый; *integratio* — пополнение, восстановление, соединение, объединение) и рассматривают ее как объединение разных, относительно самостоятельных и почти не связанных между собой, ранее разъединенных и неупорядоченных частей или явлений в единое целое, их упорядочение и структурирование. Более того, большинство социологов согласны с тем, что интеграция одновременно представляет собой и **процесс**, и его **результат**, а некоторые подчеркивают,

что интеграция, ее определенная степень вообще является необходимым *условием* (у Т. Парсонса — *функциональной предпосылкой*) существования и функционирования любого общества. Согласование взглядов достигается также в отношении *конечного продукта* интеграции в смысле образования *определенной целостности/целого* или *системы*. В основном характер системы не уточняют даже в социологических изданиях и по умолчанию предполагают собственно *социальную систему*. Встречается и термин “*общественная система*”. Размежевание понятий “общественная система” и “социальная система” целесообразно, принимая во внимание проблему употребления понятия “социальное” в широком и узком смысле, которая нивелируется именно благодаря наполнению термина “общественная система” более широким значением. В редких случаях отмечают, что разработка понятия “интеграция” с 50-х годов XX века в западной социологии ведется в рамках общей теории социокультурных систем, что отражает тенденцию поэтапного превращения культуры в определяющий фактор общественного развития современности. Подобное толкование становится все более распространенным и среди отечественных социологов, и среди наших коллег из ближнего зарубежья. Так, тщательный анализ постсоветской социологии дает основания белорусскому социологу В. Абушенко сделать вывод о том, что среди имеющихся ныне в распоряжении социологов концептуальных средств самыми большими возможностями для осуществления теоретического синтеза обладает именно культур-социологический проект¹.

Во всяком случае в действие вступают положения **системных подходов**, довольно хорошо разработанные в социологии и других науках. По давней социологической традиции одними из первых попыток представить причины *удержания вместе* разнообразных элементов общества в рамках системных подходов считают работы Э. Дюркгейма о механической и органической солидарности, которые часто рассматривают как два полярных типа социальной интеграции и полагают в основу современных объяснений определяющих факторов общественной сцепленности. Механическую солидарность связывают с существованием общих ценностей и норм, а органическую — с взаимозависимостью индивидов и групп в результате разделения труда, непрерывно углубляющегося и принимающего все более разнообразные формы. Не будем забывать и о вкладе М. Вебера, который установил наличие интеграции социальной системы на базе общих для всех ее членов ценностей и норм. Таким образом, еще на заре существования социологии как самостоятельной науки и в ее классический период идея интеграции и ее результата становится одной из основоположных, но по-разному истолковываемых в традиции социологического теоретизирования.

Современные интерпретации понятия интеграции и характера образующейся в ее результате целостности в зарубежной социологии пытаются несколько изменить исследовательскую оптику путем разведения близких, но не тождественных понятий. Еще в 1964 году Д. Локвуд обосновал отличие между *социальной интеграцией* (*social integration*) и *системной интеграцией* (*system integration*) в рамках дискуссии о конфликте и консенсусе. Кратко ее содержание можно передать так: социальная интеграция является следствием социализации и согласия по поводу ценностей, а системная интеграция возникает благодаря действию социального субстрата (например, непредвиденных последствий экономических отношений или структур власти). Следовательно, по его мнению, любой анализ общества должен тщательно размежевывать их и выбирать подходящий исследовательский инструментарий.

Эти рассуждения продолжил Э. Гидденс в 1984-м. Он считает, что социальная интеграция является результатом осуществления индивидуальными социальными акторами интеракции “лицом к лицу”, а системная в значительной мере яв-

¹ Абушенко В. Пострадянська соціологія: мультипарадигмальність і “туга” за теоретичним синтезом // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2013. — № 4. — С. 54–68.

ляется вопросом интеракции на расстоянии и предполагает “воспроизводимую” практику, являющуюся результатом взаимосвязи групп и коллективов и деятельности учреждений, то есть процессов, предрасположенных происходить вне индивидов, принимающих в этом участие. Система в этой схеме — это “воспроизводимые действия” и взаимозависимость деятельности, включая гомеостатические витки обратной связи, а также рефлексивное саморегулирование¹.

Поскольку социальные/социокультурные системы являются образованиями разного рода масштабности и сложности (от малой социальной группы до человечества), то на вопрос “Как соотносятся “интеграция общества”, “интеграция в обществе” и “интеграция в общество”?”, полагаю, можно ответить так. Первые два понятия нужно рассматривать как *внутрисистемные* процессы внутри определенного общества, а третье — трактовать как вхождение подсистем других систем/обществ извне в то или иное общество и пополнение общества-реципиента новыми элементами за счет посторонних заимствований из объема обществ-доноров; подобные процессы становятся все более распространенными в эпоху глобализации. Что касается внутрисистемных процессов, то в зарубежной социологии применительно к некоторым из них используют уточняющее понятие “общностная интеграция” (“*community integration*”); так, Т. Лоусон и Д. Геррод приводят пример ситуации, возникающей вследствие тесной взаимосвязи различного рода сообществ и социальных групп между собой, в результате чего склонность в обществе к забастовочным действиям снижается².

Марина Соболевская, доктор социологических наук

В арсенале современной науки накопилось немало вариантов ответов на достаточно простой вопрос: “Что заставляет людей жить вместе?” При этом понятия, связанные с вопросами интеграции и социального порядка, которые прочно укрепились в социологических словарях и энциклопедиях, в рамках различных теоретических построений получают разные трактовки и обрастают разнообразными коннотациями.

Понятийный ряд, разработанный социологами в связи с описанием интегративных социальных процессов, формировался преимущественно в рамках функционалистской традиции. По Дюркгейму, интеграция возникает как осознание необходимой зависимости одного от другого — индивидов от общества и общества от индивидов. Т. Парсонс представляет интеграцию как “тип связи единиц системы, при котором эти единицы действуют так, чтобы, с одной стороны, не допустить распада системы или нарушения ее стабильности, а с другой — “кооперируются” ради содействия функционированию системы в целом”³.

Интеграция представляется как взаимопроникновение между социальной и личностной системами. При этом отмечается трехгранность таких отношений: важным опосредующим звеном социальной интеграции становится культурная система, которая, согласно Парсонсу, должна быть не только интернализирована личностью, но и институционализирована в обществе. Возникает различение двух типов интеграции — интеграции как интернализации (в рамках отношения индивид — общество, что представляется как усвоение и освоение социальных ролей), а также интеграции как институционализации (в рамках согласованности функционирования общест-

¹ Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 2 (А–О). — М.: Вече; АСТ, 2001. — С. 230.

² Лоусон Т., Геррод Д. Социология. А — Я: Словарь-справочник. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. — С. 152.

³ An analytical approach to the theory of social stratification // Parsons T. Essays in Sociological Theory. — New York; London: Macmillan, 1964. — P. 72.

венных подсистем с целью легитимизации существующих норм и ценностей), что в последующем позволило различить два вида интеграции — социальную и системную.

Д. Локвуд обозначил социальную интеграцию как взаимоотношение между акторами, а системную интеграцию — как взаимоотношение между частями социальной системы. При этом толкование понятия системной интеграции осталось в рамках функционалистской традиции, а в понятии социальной интеграции произошло смещение фокуса внимания на ситуацию межличностного взаимодействия. Это предоставило возможности рассмотрения одних и тех же социальных феноменов с позиций двух различных перспектив.

В результате различения двух типов интеграции (социальной и системной) становится возможным объяснение некоторых ситуаций, например существования в обществе множества противоречий и системных проблем, которые никак не проявляются на уровне действия, а с другой стороны, возникновения протестов и конфликтов, которые не приводят к изменению общей общественной структуры. Только одновременное рассмотрение проблем социальной и системной интеграции позволяет, по мнению Локвуда, создать полноценную теорию общества.

Ю. Хабермас, продолжая традицию различения социальной и системной интеграции, связывает их с разделением системы и жизненного мира. Жизненный мир представляет собой упорядоченное взаимодействие, поскольку индивиды, принимающие в нем участие, ориентируются на общие нормы, общую культуру и т.д. Механизм социальной интеграции, который при этом срабатывает, реализуется за счет подкрепленного нормами или достигнутого в процессе коммуникации консенсуса. Таким образом, нормативному порядку жизненного мира соответствует тип социальной интеграции.

Системы же не выражают волю участвующих лиц, а потому порядок здесь возникает благодаря непреднамеренным последствиям действий многих индивидов. Системная интеграция, по мнению Хабермаса, достигается за счет ненормативного регулирования индивидуальных действий, выходящего за рамки сознания акторов. Более того, системная интеграция и координация действий осуществляются посредством такого взаимодействия, участники которого действуют преимущественно абстрактно и анонимно (например, покупатель и производитель, которые, как правило, друг друга лично не знают). В отличие, к примеру, от социальной интеграции в рамках жизненного мира, которая отличается тем, что здесь акторы непосредственно противостоят друг другу в конкретной ситуации действия, присутствуют физически, благодаря чему могут согласовывать свои действия друг с другом.

Различение двух типов интеграции — социальной и системной — в рамках теоретической конструкции Хабермаса становится инструментом диагностики состояния современного общества, например в предсказании возможных линий конфликта, возникающих на границах системы и жизненного мира и выявляющих специфический протестный потенциал современных обществ.

Если Хабермас и Локвуд сходятся в том, что вопросы социальной интеграции должны анализироваться при помощи теории действия, а вопросы системной интеграции — при помощи функционалистского анализа, то, по мнению Э. Гидденса, теории действия вполне достаточно для анализа двух видов интеграции — социальной и системной. Вопрос в том, как интерпретировать понятие действия и как от объяснения действия перейти к объяснению социального порядка.

Гидденс отходит от традиционного противопоставления социальной и системной интеграции и пытается, исходя из теории действия, рассмотреть феномен соединения множества людей в ситуации временной и пространственной удаленности. Так фокусируется проблематика социального взаимодействия, что позволяет не упускать из вида текучесть и изменчивость социальных структур, а также диалектику господства и контроля, которая подразумевает постоянный напряженный переговорный процесс между различными участниками взаимодействия.

Н. Луман сосредоточивает свое внимание исключительно на системной интеграции. Его вообще не интересует проблема интеграции индивидов, поскольку в рамках его системной теории индивиды по отношению к обществу рассматриваются как окружающая среда. Именно поэтому Луман рассматривает интеграцию безотносительно к солидарному поведению индивидов, трактуя ее как ограничение степеней свободы (возможности выбора) отдельной подсистемы относительно всеохватывающей системы общества. Фактически речь идет о взаимной координации общественных подсистем и их подстройке друг к другу, то есть избегании ситуации, при которой работа одной подсистемы создает неразрешимые проблемы для работы другой. Ресурсы и ограничения более широких систем ограничивают рамки возможного в локальных системах взаимодействия. Без подобных ограничений было бы невозможно сохранение ожиданий относительно поведения и результатов.

Принять точку зрения и логику размышления Лумана достаточно сложно, поскольку его позиции расходятся с традиционно принятыми в социологической науке. Особенно это касается отказа рассматривать интеграционные процессы на индивидуальном (интеграция человека в общество) и межиндивидуальном (взаимодействие между людьми) уровнях. В то же время фокус анализа исследователя на логике развития и функционирования социальных систем позволяет сконцентрировать внимание и предлагает объяснение социальных процессов и феноменов с макросоциологических позиций, что обладает своей притягательной силой и представляет особый интерес. Например, интересным может стать применение концепции Лумана в анализе постсоветских обществ. Так, с позиций системной теории Лумана, результатом чрезмерной (сверх)интеграции в постсоветских обществах — всеобъемлющего политического контроля и опеки (своеобразного бюрократического блокирования, в терминологии Крозье) стало отсутствие относительной автономности и, как следствие этого, неэффективность и несамостоятельность функционирования отдельных подсистем.

Можно в целом констатировать, что одни и те же понятия (интеграция, системная и социальная) не только получают в рамках разнообразных теоретических конструкций различную интерпретацию, но и задают разные перспективы и открывают разные возможности для анализа и диагностики процессов, происходящих в современном обществе. Стоит ли пугаться такого разнообразия? Скорее, следует помнить о том, что каждое понятие, всякий концепт имеет свой особый план имманенции, горизонт событий, в котором оно задается и осмысливается. И только умелая реконструкция этого горизонта позволит раскрыть смысловой потенциал и инструментальную ценность того или иного понятия.

Илья Кононов, доктор социологических наук

Понятие “интеграция” относится к общенаучным. Оно восходит к семантическому полю латинского языка, где “*integratio*” — восполнение, восстановление, “*integer*” — целый. От последнего понятия произведено математическое понятие “интеграл”. В общественные науки понятие “интеграция” было перенесено в 1920-е годы немецкими политическими учеными Р.Шмедом, Х.Кельзенем и Д.Шиндлером. Об этом сообщается в любой работе, рассматривающей интеграционные процессы¹. В современном обществоведческом дискурсе об интеграции чаще всего пишут специалисты в области международных отношений, экономисты, менеджеры².

¹ См., напр.: *Сорокина И.О.* Теоретические основы понятия “интеграция” и принципы ее осуществления // Менеджмент в России и за рубежом. — 2008. — № 2. — С. 3–6.

² *Ефанова Е.А.* Экономическая сущность интеграции. Предпосылки и виды интеграции // Вестник ОрелГИЭТ. — 2008. — № 4 (6). — С. 2–25.

В современной украинской науке специально понятными проблемами интеграции занимается Петр Пашковский, у которого есть работы, прямо посвященные функционированию этого понятия в современном обществоведческом дискурсе¹. Петр Игоревич Пашковский принадлежит к крымской школе политических исследований, сформировавшейся усилиями профессора Сергея Васильевича Юрченко. Именно С.В.Юрченко задал своим ученикам вектор исследований, связанный с интеграционными процессами в современном мировом порядке. Результатом стала серия работ².

Как любое слишком общее понятие, “интеграция” наполняется содержанием только в конкретном дискурсе. Вне этого понятие обозначает любые формы объединения каких-то социальных отдельных в систему, обладающую чертами целостности. Это означает, что при объединении должно появиться некое новое качество, которого нет у отдельных интегрирующихся элементов.

Не буду отрицать полезности логического анализа предложенных понятий. Исходя из общих представлений об обществе как системном образовании (в духе Никласа Лумана), можно сказать, что “интеграция общества” — это процесс увеличения числа и интенсификация связей между его частями. Интеграция в обществе не обязательно предполагает рост целостности всей общественной системы. Наоборот, возможны варианты расколов вследствие интеграции отдельных частей общества. Но вариантов здесь может быть множество. Скажем, интеграцией в обществе будет группообразование, возникновение каких-то коалиций, возникновение межрегиональных объединений. Привожу это только как возможные примеры. Интегрироваться в общество может личность или социальная группа. Для личности это разнообразные процессы социализации и ресоциализации. Для этнических групп это могут быть случаи консолидации, ассимиляции, межэтнической интеграции³.

Хочу сказать, что не являюсь сторонником схоластического определения понятий. Думаю, для нашей культуры, где всегда было заметным влияние Платона, существует постоянная угроза незаметно уклониться к социологическому реализму. Это приведет к реификации чисто аналитических сущностей. Вторая опасность современная. Слово “интеграция” приобрело определенные наполненности в нынешних идеологических дискурсах — в Украине это политический дискурс евроинтеграции, в России дискурс интеграции постсоветского пространства.

Любовь Бевзенко, доктор социологических наук

Интеграцию я бы *определила* как меру связанности членов общества, меру скоррелированности, скоординированности их практик. Говорить здесь имеет смысл именно о практиках, как системе устоявшихся привычных, лишь частично отрефлексированных действий. При этом интеграция на уровне слов (деклараций) в качестве предмета исследования вряд ли может представлять практический интерес.

Другое *определение* интеграции — мера упорядоченности, а на моем языке — мера неэнтропийности (нехаотичности) социальной системы. По сути, это мера ее

¹ Пашковський П.І. Поняття інтеграції в сучасному суспільствознавчому дискурсі: визначення у різних теоретичних контекстах // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки. — 2011. — № 12 (223). — С. 99–103.

² Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины / А. А.Ирхин. — Севастополь: Рибэст, 2011. — 294 с.; Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011). — К.: Интерсервис, 2012. — 188 с.; Фартушняк С.Ю. Критерии целостности арабского мира. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/konfer30/105.pdf>; и др.

³ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. — М.: Наука, 1973. — С. 157–158.

системности, согласованности частей (в качестве последних могут выступать как отдельные индивиды, так и подсистемы, описываемые разными социальными полями — политическим, правовым, культурным, образовательным и т.д.; возможны также разные деления на подсистемы.

В качестве противоположного понятия часто рассматривают *дифференциацию*. Я бы сказала, что это не совсем бинарная оппозиция. Скорее дифференциация соответствует локальной интеграции, локальным островкам интегрированности на фоне общей несогласованности. Эти локальные порядки и будут дифференцированы друг от друга. Их бы я и назвала *“интеграция в обществе”*. Это ситуация локальных понижений энтропии при общей, возможно, высокой энтропийности. Образно говоря, на заросшем бурьяном неупорядоченном поле — локальные клумбы, часто совершенно разные по своей идее — где нарциссы, где кактусы.

Что касается реального оппозиционного понятия, то я предложила бы понятие *“дезинтеграции”*. Оно как раз указывает на высокую общую энтропию. О наличии или отсутствии островков порядка мы из него не узнаем, но это та характеристика, которая позволяет говорить о состоянии всего общества. (Высокая общая энтропия без локальных порядков — это редкое состояние, переходящее либо все же к образованию этих отдельных упорядоченностей, либо к полному распаду общества.)

Что касается *“интеграции в общество”*, то это понятие я бы использовала для описания отношений части и целого. В качестве целого может выступать все общество, и тогда интеграция в него может рассматриваться для таких его частей, как 1) отдельный индивид; 2) малая (средняя) группа (например, этническая). В другом случае в качестве целого может выступать отдельная группа, и тогда имеет смысл говорить об интеграции в нее отдельного человека (*“вписался в коллектив”*). Но здесь есть одна тонкость. В этих формулировках мы неявно обозначаем субъект интеграции и объект (то, во что интегрируются). В действительности нужно рассматривать единый процесс, имеющий двойную направленность. Без того, чтобы общество интегрировало, включало (как процесс) группу или группа — человека, об *“интеграции в”* говорить нельзя.

Наиболее подходящим понятием, позволяющим эти процессы описать, для меня есть понятие *“степени социальной свободы”*. Ведь в действительности интеграция, интегрированность как понятие, соотнесенное с социальным порядком, упорядоченностью, нормативностью, неизменно вызывает вопрос о социальной свободе. Подчеркну — именно социальной свободе, свободе действий, соотнесенных с пребыванием в окружении других людей, социума. (Мы здесь не говорим о внутренней свободе. Часто эти вещи выглядят как противоположные. Любящие люди привязаны друг к другу как никто другой, и при этом чувствуют себя свободными и счастливыми.)

Александр Резник, доктор социологических наук

Понятие *“интеграция общества”* предполагает процесс объединения составных частей социума путем гармонизации разных социальных групп, ассимиляции разных культурных элементов и примирения разных моральных норм. Словосочетание *“интеграция в обществе”* обозначает определенный уровень упорядочения и бесконфликтных отношений социальных субъектов, общей связанности. Интеграция в общество предполагает индивидуальное или групповое вовлечение во все сферы жизнедеятельности в качестве его полноправного члена; когда отличающийся определенными чертами социальный субъект становится частью общества и принимается этим обществом. На индивидуальном уровне интеграцией в общество называют процесс восстановления социальных связей индивидом, который долгое время был изолирован от общества (бывший узник, больной и т.п.).

Максим Паращевин, кандидат социологических наук

Интеграция общества — это совокупность всех процессов, обеспечивающих сохранение общества как целого.

Интеграция в обществе, по-моему, это практически синоним предыдущего, разве что можно использовать этот термин для мезоуровня (то есть рассматривать интегрированность или интеграцию в отдельных сферах), тогда как предыдущий касается макроуровня (максимально обобщенное понятие, типа здоровья организма — оно есть или нет, но это не означает, что при общем здоровье не может быть отдельных проблем).

Интеграция в общество — это уже термин мезо- и микроуровня, это то, как отдельные люди или группы (организации) включаются (или не включаются) в общественную систему.

Андрей Зоткин, кандидат социологических наук

Интеграция — это процесс создания или воссоздания системы, соединения или воссоединения отдельных ее элементов в единое целое. Результат может быть выражен в степени интегрированности отдельных элементов в единую и относительно целостную систему, в которой они (элементы) будут находиться в состоянии взаимозависимости, а их состояние и/или действия будут согласованны (добровольно или вынужденно) ввиду взаимно наложенных ограничений. То есть результатом интеграции будет фиксируемое состояние каких-либо единств, общностей, прочности связей на тех или иных основах. Эффект интеграции как процесса далеко не всегда может быть положительным (то есть целостность может быть не создана и система будет недееспособной, “неживой”) или полным (когда дезинтеграция в одних сферах компенсируется высоким эффектом интеграционных процессов в других сферах).

Интеграция общества видится как деятельность внешнего субъекта (или обстоятельств) по отношению к обществу или отдельным его составляющим. К таковым можно отнести и правящую элиту, и государственную политику, осуществляемую ею, и политических, духовных, культурных лидеров в обществе, и международное сообщество или же отдельные государства, и внешние угрозы (такие, как нелегальная миграция), и культурные стандарты, привносимые извне. Этот субъект прямо или косвенно, целенаправленно или без определенной цели воздействует на общество так, что способствует упрочению связей внутри него. Общество, будучи в целом дезинтегрированным, может ситуативно или на долговременных началах объединяться за что-то или против чего-то.

Интеграция в обществе — это уже внутрисистемные процессы упрочения связей, которые осуществляются составляющими элементами при помощи агентов. Можно полагать, что здесь важную роль будут играть интересы субъектов и объектов интеграционных процессов.

Интеграция в общество — вхождение-принятие новых элементов в систему или же воссоединение с теми элементами, которые были ранее отчуждены от системы.

Наталья Соболева, доктор социологических наук

Об интеграции общества обычно начинают говорить в связи с гибелью, распадом, кризисом государственного устройства (свершившимся или возможным развалом изнутри или в результате внешнего вмешательства), что сопровождается распадом прежних государственных институтов и отсутствием устойчивых “правил игры”, аномией и аномией.

Можно рассматривать интеграцию как разновидность дифференциации, можно как антоним (специалисты по социальной мобильности трактуют и так, и эдак). Сама по себе идея интеграции не является безусловной ценностью, хотя человек — общественное животное и подчиняется чувству стадности.

В структурном подходе интеграция общества — создание необходимых условий для взаимодействия разнородных элементов структуры, преодоление хаоса в результате объединения, гармонизация социального бытия, для чего необходимо сглаживать, снимать неизбежно возникающие в обществе противоречия, преодолевать конфликты, устранять коллизии и таким образом обеспечивать внутреннее единство, целостность, гармоничное функционирование, устойчивость и динамическую стабильность.

Цель интеграции — поиск “своих” (универсальная идентичность), позиционирование, поддержание чувства принадлежности к социальной группе или коллективу на основании разделяемых норм, ценностей, убеждений и т.п. (Дюркгейм), поиск и установление **взаимосвязей**, объединение для коммуникации, действий и противодействий как **взаимодействий**, поддержание устойчивости, стабильности.

Интеграция в обществе — степень интеграции, то есть интегрированность, качественная характеристика.

Интеграция в общество — включение, имплементация, социализация нормальных детей (по мере взросления), инвалидов, неполноценных, маргиналов и т.д. как адаптация и реабилитация. Процесс восстановления разрушенных или упрочение и развитие имеющихся связей человека с социумом, обеспечивающий его включенность в основные сферы жизнедеятельности: труд, быт, досуг. Это скорее итог социальной работы в той сфере, где индивид был лишен или ограничен в возможностях быть равноправным членом общества (бомж, инвалид, пожилой человек). Интеграция в общество достигается за счет социальной реабилитации (восстановления) и абилитации (создания новых возможностей) человека.

Игорь Мартынюк, доктор социологических наук

Из названных трех видов интеграций представляется, что проще всего определиться с последней. Интеграция в общество предполагает взаимодействие с обществом актора более мелкого уровня (масштаба) — личности, слоя, группы, общности — с обрисованием особенностей именно данного актора, анализ изменений которого и ставится во главу угла в ходе раскрытия соответственных причинно-следственных связей.

Первые два — **“интеграция общества”** и **“интеграция в обществе”** — описывают в общем-то один и тот же процесс, но с разных сторон. Первая формулировка указывает скорее на оценку состояния в количественных показателях — больше/меньше, выше/ниже и т.д. Вторая представляет процессуальную характеристику и указывает на качественные параметры — куда направлено развитие/изменение.

Таким образом можно за счет смысловой нагрузки каждого из этих понятий обеспечить требуемый “развод”.

Алла Лобанова, доктор социологических наук

Все три конструкта: “интеграция общества”, “интеграция в обществе”, “интеграция в общество” обозначают социальные процессы объединения (сближения) социальных субъектов в единое социальное (системное) целое на основе общих целей и интересов.

Вместе с тем между этими конструктами имеются и определенные содержательные различия, связанные, прежде всего, с такими *критериями*, как:

А. Цель и уровень интеграции

- “Интеграция общества” осуществляется социальными субъектами (политическими и государственными лидерами, социальными институтами, политическими организациями и т.п.) на основе общегосударственной или национальной идеи на социетальном (макро)уровне;

- “интеграция в обществе” осуществляется индивидами либо социальными группами на основе и для реализации общих интересов (политических, экономических, профессиональных, религиозных, культурных и т.д.) на групповом (в основном большие социальные группы) или общинном (мезо)уровне;
- “интеграция в общество” осуществляется скорее на личностно-индивидуальном уровне с целью социализации людей в обществе.

Б. Характер интеграции

“Интеграция общества” — это **целенаправленное сближение** социальных субъектов для совместной жизнедеятельности и решения общих проблем на социетальном уровне;

- “интеграция в обществе” — это **целенаправленное взаимопроникновение** социальных субъектов в определенной сфере жизнедеятельности для реализации общих целей на групповом уровне;
- “интеграция в общество” — это **целенаправленное внедрение (вхождение)** социальных субъектов в единое социальное целое для межличностного взаимодействия с членами социальных групп или общностей.

В. Сфера интеграции

- “Интеграция общества” может осуществляться одновременно во многих сферах — и политической, и экономической, и духовной, и религиозной, и внешнеполитической;
- “интеграция в обществе” осуществляется, как правило, социальными субъектами в одной сфере (трудовой, научной, образовательной, политической, культурной, социальной и т.д.) для реализации общих (групповых) целей;
- “интеграция в общество” — это, полагаю, процесс вхождения (социализации) социальных субъектов в определенные сферы жизнедеятельности общества для реализации личных интересов.

Елена Злобина, доктор социологических наук

“Интеграция общества” в парсонсовской традиции предполагает процесс объединения составляющих социума путем гармонизации разных социальных групп, ассимиляции разных культурных элементов и примирения разных моральных норм. Результатом является определенный уровень упорядоченности и общей связанности социальных субъектов.

“Интеграция в общество” предполагает вовлечение во все сферы жизнедеятельности индивидуального или группового субъекта в качестве его полноправного члена. В широком смысле речь идет о вхождении-принятии новых элементов в систему или объединении с теми элементами, которые ранее были отторгнуты от системы. Результатом такой интеграции является то, что социальные субъекты разного масштаба становятся частью общества и принимаются этим обществом. Интеграцию в общество изучают преимущественно на мезо- и макроуровне. Ключевым показателем меры интегрированности при таком подходе является степень сбалансированности отношений части и целого. Целым может выступать все общество; тогда интеграцию можно рассматривать в отношении таких его частей, как отдельный индивид или малая (средняя) группа (например, этническая). Если в качестве целого мы берем отдельную группу, имеет смысл говорить об интеграции в нее отдельного человека. Проблема заключается в том, что неявное различение субъекта (“интегрирующегося”) и объекта (“в который тот интегрируется”) интеграции определенным образом искажает картину процесса интеграции, имеющего двойную направленность. Без того, чтобы общество интегрировало, включало (как процесс) в себя группу или человека, об “интеграции в” говорить нельзя.

Наконец, третий контекст, позволяющий объединить системную и социальную интеграцию, условно названную нами “интеграция в обществе”. Это процесс, в ходе которого легитимируются результаты дифференциации и образуются локальные

порядки, дифференцированные друг от друга, но внутренне интегрированные. Речь идет о внутрисистемных процессах укрепления связей, осуществляющихся составными элементами при посредничестве агентов. Можно считать, что здесь важную роль будут играть интересы субъектов и объектов интеграционных процессов. Важной характеристикой процесса интеграции в этом контексте служит его социально-психологическая противоречивость: лояльность и обязательства в отношении собственной группы способствуют формированию чувства социальной солидарности и одновременно подпитывают социальные противостояния с другими локальными порядками. При таком подходе меру интегрированности можно представить через пространство конвенционной территории, на которой есть факторы договоренности касательно приемлемых условий взаимодействия, выполнение которых обеспечивается действием механизма ответственности.

Как развести процесс и результат интеграции? Можно ли рассматривать как результат интеграции наличие демократического, сплоченного общества, основывающегося на общих ценностях? Можно ли считать показателем интеграции наличие толерантности и сотрудничества между индивидами и различными группами населения в рамках единого государства? Что может быть выделено как показатель интеграции при анализе отношения людей как к государству, так и друг к другу?

Наталья Черныш, доктор социологических наук

Вопрос о различении **процесса и результата** интеграции требует ответа в нескольких направлениях. Легче всего разводить эти понятия по критерию процесса/результата приобретения формы завершенности: например, как соединение и соединенность, объединение и объединенность, восстановление и восстановленность и т.п. Проблему в социологическом контексте можно решить, отталкиваясь от сущностного, а не дескриптивного понимания интеграции как таковой. Ведь трактовка интеграции как процесса, результатом которого является достижение единства и целостности, согласованности внутри системы, основывающейся на взаимной зависимости отдельных специализированных элементов, требует очерчивания этой **спецификации** в рамках того или иного подхода и его аксиоматического компендиума. Поэтому в большинстве случаев смысл понятия интеграции требует уточнения в контексте иных социологических понятий, которые относятся к разным подходам в рамках социологического теоретизирования и образуют их аксиоматические ядра.

Так, для механической разновидности **системных подходов** процесс интеграции базируется на кристаллизации ценностно-нормативных образцов, культурных стандартов и поведения людей, которые все больше становятся общими для большинства граждан. В данном смысле **результатом** интеграции можно считать упомянутое “наличие демократического, сплоченного общества, в основе которого лежат общие ценности”. Но интегрированным можно представить и такое общество, где силой углубляющегося разделения труда связаны культурно (ценностно, идеологически и т.п.) неоднородные, хотя и взаимозависимые индивиды и группы, автономное существование которых принципиально невозможно.

Такое описание органической солидарности почти полностью перешло в современное трактование функциональной интеграции и получило дальнейшую разработку прежде всего во взглядах Т.Парсонса. Он ввел понятия нормативной и ценностной интеграции в свою **структурно-функциональную парадигму** рассмотрения социальных систем и доказал, что эту функцию обеспечивают специализиро-

ванные подсистемы общества. Проблемы интеграции усиливаются, согласно Парсонсу, по мере дифференциации и усложнения систем действия. Интеграция как *процесс* становления и поддержки социальных взаимодействий и взаимоотношений между деятелями (актерами) является одним из функциональных условий существования общества, а ее *результат* — равновесие социальной системы наряду с адаптацией, достижением цели и сохранением ценностных образцов.

Взгляды Парсонса подверглись критике со стороны социологов **нефункционалистского направления** за преувеличение возможного уровня интеграции и равновесия социальной системы, что, в свою очередь, ослабляет эту систему в смысле мобильности и гибкости, способности к изменениям и трансформациям.

В рамках **социокультурного подхода** осуществляется (обычно в американской социологии) деление общественной системы на культурную и социальную подсистемы; соответственно различают четыре разновидности интеграции:

- культурная, выражающая согласованность между культурными стандартами, нормами и образцами поведения, внутреннюю связь отдельных подсистем символов;
- нормативная, означающая координацию между культурными стандартами (нормами) и поведением людей, то есть такое состояние, при котором основные нормы культурной подсистемы “институционализированы” в элементах, образующих социальную подсистему, в частности в действиях индивидов;
- коммуникативная, основанная на обмене культурными смыслами информации и показывающая уровень охвата ими всего общества или группы;
- функциональная, базирующаяся на взаимозависимости и обмене услугами между людьми, вытекающих из общественного разделения труда¹.

Процесс интеграции, согласно этому подходу, можно представить как достижение такого *результата*, когда существует паритет удельного веса культуры и социального в развитии современного общества, что будет способствовать гармоничному развитию всех его сфер и, следовательно, достижению стабильного состояния социокультурной системы, в которой нет доминирования ни одной из составляющих и соответственно никакой социальной группы или социального института. Обе совокупности факторов (социальные и культурные) в равной мере определяют развитие этого общества, в котором постепенно исчезают разительные отличия между характером культуры и типом социальности, происходит их сближение и взаимопроникновение. В этом плане можно вспомнить, между прочим, известное высказывание Ф.Фукуямы об “одухотворении экономики культурой”. В таком обществе, несмотря на повышение уровня иерархизированности социальной структуры, отношения между ее составляющими гармонизируются; происходит общая выработка социальными группами новых культурных программ, обуславливающих социальные изменения мирным путем через общественный консенсус в отношении содержания и цели этих культурных программ.

В соответствии со спецификой в понимании сути интеграции в рамках разных подходов и парадигм и их аксиоматических ядер следует выделять также **конкретные показатели** интеграции. К примеру, в предметном поле **системных подходов** в их механистической версии такими показателями будут сформированность и степень признания и соблюдения большинством членов социальной группы/общества ценностно-нормативных образцов мышления и поведения, а в органистической — мера общественного разделения труда и наличие хорошо структурированного общества. В такого рода обществе социальные группы являются сформированными, выраженными и сплоченными вокруг четко артикулируемых интересов (профессиональных прежде всего), а во-вторых, объединенными с другими социальными

¹ Ковалев А.Д. Интеграция социальная // Современная западная социология : Словарь. — М.: Политиздат, 1990. — С. 120.

ми группами множеством взаимосвязей и взаимозависимостей преимущественно органического характера, образуя единое непротиворечивое целое. Для эмпирических исследований в рамках механистической версии интерес представляют прежде всего мера интериоризации ценностей и норм во внутренний мир и поведенческие практики личности, а также экстернализации и определение возможных разрывов между вербально выраженными чувствами принадлежности к определенным ценностным ядрам, с одной стороны, и реальным поведением в соответствии с этими ценностями — с другой. Органистическая версия больше тяготеет к анализу меры взаимосвязанности социальных групп, характера отношений между ними, к определению зон социальной напряженности между этими общностями как почвы для возникновения в будущем возможных конфликтов и потенциальных угроз для равновесия и стабильности социальных систем. Именно в этой версии можно считать “наличие толерантности и сотрудничества между индивидами и социальными группами населения в рамках единого государства” одним из показателей интеграции, о чем спрашивается в гайде круглого стола. И именно здесь уместно выяснять характер отношений людей и к государству, и друг к другу. Итак, здесь мы имеем дело с социологической аксиологией, с одной стороны, и социологической праксеологией — с другой, если позаимствовать эти понятия из социальной философии.

Структурный функционализм, в свою очередь, выстраивает исследования путем выделения целого ряда несколько иных по характеру показателей интегрированности общества, пригодных для эмпирического изучения, таких как степень, в которой индивид ощущает чувство принадлежности к социальной группе или коллективу; уровень, в котором деятельность или функции разнообразных социальных институтов и подсистем в обществе взаимодополняют друг друга; наличие и эффективность работы специфических учреждений, которые поддерживают дополнительную координированную деятельность других подсистем общества, то есть уровень развития институтов интеграции и др.

Теоретическая интерпретация главных понятий **социокультурного подхода** касательно интеграции получает продолжение в их практической операционализации с учетом специфики разновидностей интеграции и базовых положений, приведенных выше. Как правило, в таких исследованиях акцентируются мера/уровень взаимосвязи социального и культурного (например, через индикаторы изменений в мотивации внешней или внутренней миграции, когда в гипотезе о трансформации побуждающих к ней факторов фиксируется допущение о постепенном усилении роли и значения их нематериальных или постматериалистических составляющих, особенно у тех акторов, которые осуществляют перманентную миграцию). Баланс социального и культуры в таких эмпирических исследованиях измеряют и по показателям, характеризующим соответствующие процессы идентификации/реидентификации, в частности мигрантов, и т.п.

Таким образом, **конкретный набор показателей/индикаторов** для определения меры/уровня интегрированности целого/системы варьирует в зависимости от исходных теоретических положений, образующих аксиоматические ядра определенных подходов. Добавлю только, что выделение теоретической позиции исследователя-социолога требует и принятия свойственного определенной парадигме методического инструментария — количественных, качественных или невербальных методов эмпирических исследований.

Любовь Бевзенко, доктор социологических наук

Я бы вообще отказалась от попытки фиксировать результат, особенно в ситуации нашей “текущей современности”. Имеет смысл от субстанциональных понятий переходить к процессуальным. И тогда интеграция — это всегда процесс. Но вот фазы этого процесса, его течение имеет смысл рассматривать. Это как река — она всегда течение, но в разных местах и в разное время мы имеем разную картину этого течения.

И тогда все сказанное выше позволяет характеризовать *состояние этого процесса* на данный момент. Эти характеристики:

1. *Уровень общей неэнтропии (понятие, противоположное энтропии, указывающее на меру связанности)*, мера интегрированности. Она в каждый момент разная и может меняться *стремительно* — рост энтропии, кризис, быстрая дезинтеграция или, наоборот, быстрое падение энтропии, быстрая мобилизация в ответ на какие-то чрезвычайные обстоятельства. Но может меняться и *постепенно*, дрейфуя к большему порядку или, наоборот, к большему беспорядку.
2. *Распределенность этой энтропии* по социальному пространству — рельеф социального ландшафта.

Если *распределение равномерное* (относительно, как и всякий ландшафт), то мы имеем что-то типа равнинного социального пейзажа. Вопрос: это равнина возделанная и ухоженная или запущенная и поросшая бурьяном? Иными словами, имеем равную по всему пространству низкую энтропию (равномерно интегрированное пространство) или равную высокую энтропию — по сути, распадающееся социальное пространство. (Похоже, последнее — это наша ситуация: апатия и безразличие, несвязанность разлита практически по всему социальному пространству при общей высокой энтропии. Но это в качестве гипотезы.)

Если *распределение неравномерное*, то имеем “горбы и впадины”. Это означает, что есть интегрированные группы — может, гражданские, может, религиозные, криминальные, молодежные. Важно, какой ареал они захватывают, сколько их, насколько они дифференцированы (потенциал к слиянию при расширении). И, снова-таки, здесь более подходящим будет все же не образ ландшафта (устойчивость), а образ подвижного ландшафта, когда какая-то гора (локальный порядок, понижение энтропии) может опускаться и выравниваться, а на равнине может возникать возвышенность. Оно так и есть в физическом ландшафте, только там это процесс длительный, а на социальном ландшафте более быстрый, особенно сейчас, когда фиксируется феномен “текучей современности”.

Вопрос о показателях интеграции я бы несколько скорректировала. Я бы не отождествляла государство и общество. Есть отношение части (отдельный человек) и целого (общество, группа). Именно выстраиваемые между ними отношения нас интересуют на предмет показателя интегрированности.

Для меня это показатель пребывания в низкоэнтропийной социальной среде. На уровне отдельного человека это проявляется в отказе от части степеней свободы взамен на включение в некоторое социальное целое. Но это не только утрата части своих степеней свободы, но и ожидание того же от других. Что называется замыкание этих степеней на другого. (Образно — взявшиеся за руки люди утрачивают некоторую свободу, но полученный в результате круг начинает водить хороводы, доступные только целому.)

В интегрированном обществе отдельный человек чувствует:

1. Значимость своего социального положения, важность своей социальной функции (работа всякая важна, всякое дело значимо), *вписанность этой функции в социальное целое*.
2. Уважение своего достоинства со стороны других, а отсюда — проявление этого же уважения к другим (суверенность территории). Равновесность этих значимостей: *значимость отдельного индивида равна значимости другого*. Демократия, равенство прав, равенство перед законом — факторы, усиливающие эту значимость и чувство равновесия.

Особо выглядит опосредованная значимость. Это когда работают механизмы делегирования прав и *некто* воспринимается как мой представитель на арене событий. В тоталитарных структурах это может быть *вождь*, в более демократичных — *мой кандидат*. На него переносится часть ожиданий в уважении к себе.

Конечно, все это касается некоего статистически усредненного члена общества. И это чувство собственной уместности, значимости в данном обществе тоже является случайной величиной со своей функцией распределения.

В обществе всегда будут те, кто эту свою значимость чувствует особенно сильно, которые ежедневно получают сигналы об этой значимости. Это прежде всего социальная элита, которая благодаря этим знакам таковой и становится. С другой стороны в обществе всегда будет группа маргиналов, получающих сигналы противоположного толка. Это — знаки их неуместности, неписанности в социальное целое.

Наличие тех и других — нормальная ситуация, дело лишь в мере, соотношении. Общество можно назвать достаточно интегрированным, когда как элита, так и маргиналы не составляют группы, слишком выделяющиеся на всем социальном пространстве. По этой причине наличие диссидентов до какого-то момента не нарушало общую интегрированность советского общества; мера интегрированности начала падать, когда знаки собственной незначимости стали получать все более широкие слои населения (такowymi являются всякие изменения к худшему — падение зарплат, рост унижающего дефицита товаров и т.д.).

Важно, чтобы основная масса членов общества чувствовала свою принадлежность к нему и свою значимость на данном месте. Значимость — тоже процесс, она может колебаться, но возможность, шанс ее повысить — тоже фактор, на это чувство значимости работающий. Временное чувство падения значимости (потеря работы, например) без всякой перспективы это изменить — это фактор, уменьшающий показатель интегрированности, а потеря значимости при наличии шансов восстановления — совсем другой вариант.

Алла Лобанова, доктор социологических наук

Очевидно, что процесс и результат интеграции неразделимы. Ведь **процесс интеграции** предполагает формирование у социальных субъектов потребностей, мотивов и интересов (неявных компонентов целеполагания) к объединению (единению) и осуществление целенаправленных действий (целереализации) для достижения **результата** — создания единого целого.

Результат интеграции может быть как конструктивным (в частности, создание демократического, сплоченного общества), так и деструктивным (создание тоталитарного, коррумпированного или криминализованного общества) — все определяется доминирующими в обществе ценностными (псевдоценностными) системами.

Именно в этой связи имеет смысл вспомнить и о социальной мимикрии, когда, например, в обществе, имеющем криминальные (или коррумпированные) основы, провозглашаются демократические призывы к объединению. В этом случае имеет место процесс псевдоинтеграции. То есть интеграция общества может осуществляться и “за декларируемую идею”, и “против декларируемой идеи” — все зависит от идеологической и правовой позиции властных сил и лояльности/нелояльности к этой позиции социальных групп и слоев населения.

Если говорить о **показателях интеграции** в рамках единого государства, то к ним можно отнести не только наличие толерантности и сотрудничества между индивидами и различными социальными группами, но в первую очередь **наличие гражданской культуры**, которая не только включает в себя названные принципы, но прежде всего является связующим звеном между групповыми, классовыми и общечеловеческими ценностями, объединяющей основой в деятельности общественных организаций, социальных институций, политических партий, которые часто имеют противоположные идеологические позиции.

Пожалуй, **уровень гражданской культуры** общества я бы выделила в качестве определяющего показателя интеграции при анализе отношений людей как к государству, так и друг к другу. Чем выше уровень гражданской культуры в обществе, тем выше гражданское сознание его членов, тем более они толерантны и открыты к сотрудничеству, тем больше они заинтересованы в гражданском консенсусе и тем

сильнее их интеграционные устремления на основе общепризнанных правовых, социальных и этических принципов.

Игорь Мартынюк, доктор социологических наук

Процесс интеграции — это процесс формирования разнообразных связей, зависимостей, чувства солидарности. Результат интеграции — интегрированность, то есть наличие некоторой (всегда относительной) целостности, определяемой общим позитивным отношением к членам этого же общества и проявляющийся в кризисные моменты как готовность его защищать (напрямую или косвенно). Если говорить о результатах, то наличие демократического, сплоченного общества, основывающегося на общих ценностях, — лишь один из возможных вариантов. Возможна интеграция и на базе антиценностей (расизм, фашизм). Тоталитарные общества куда как интегрированы — но отнюдь не демократичны. Я бы также не рассматривал толерантность и сотрудничество между индивидами и различными группами населения в рамках единого государства как показатель интеграции. Это разноплоскостные характеристики. Толерантность описывает общественные отношения с позиций плюрализма, свободы, указывая на степень демократичности существующей формы общественной организации. Интеграция опирается на общность интересов и может вполне сочетаться с нетерпимостью к инакомыслию. “Распни его!”, “лужки — наши” — прекрасные поводы для объединения, особенно — эмоционального. В качестве показателей интеграции я бы предложил выделять прежде всего общность интересов и развитость нормативного сознания.

Максим Паращевин, кандидат социологических наук

Процесс интеграции, понимаемый как процесс формирования разнообразных связей, зависимостей, чувства солидарности, означает результат интеграции — интегрированность, то есть наличие в той или иной мере целостности, обусловленной общим позитивным отношением к членам данного общества; в кризисные моменты интеграция проявляется как готовность к защите этого общества — в той или иной форме.

Наличие демократического, сплоченного общества, в основе которого — общие ценности, конечно, можно рассматривать как результат интеграции. Однако с таким же успехом результатом интеграции может быть и тоталитарное общество. Вообще интегрированным является любое общество, которое не разваливается, а существует. Вопрос только в мере и способах этой интеграции. Что же касается толерантности, то это возможный, но не обязательный показатель. Интегрированность может проявляться и таким образом, но может формироваться и через нетолерантность (требования жесткого выполнения существующих норм, их расширенное толкование). В качестве показателей интеграции при анализе отношений людей — как к государству, так и друг к другу — могут выступать общность целей и идеалов, подчинение существующим нормам, готовность к мирному решению конфликтов, ощущение принадлежности к общности, чувство “своих”.

Александр Резник, доктор социологических наук

Интеграция отражает процесс объединения частей чего-то, тогда как понятие интегрированности означает результат интеграции. Результатом интеграции может оказаться устойчивость и стабильность общества. Наличие толерантности и сотрудничества характеризует лишь отдельный срез интеграции, приобретая скорее детерминационные признаки. *Показателями интеграции* могут быть соотношение общесоциетальной и партикулярной идентификации; уровень ощущения этничности; уровень социального (экономического) неравенства; доля общества, разделяющая общие ценности и нормы; доля общества, вовлеченная в соответствующие социальные практики, и т.п.

Наталья Бойко, кандидат социологических наук

Результатом интеграции будет и демократическое, и коммунистическое — любое общество, где есть общие ценности, общая идея, поддерживаемая большинством, общая цель, к которой все стремятся. Показателями интеграции при анализе отношений людей к государству и друг к другу могут быть солидарность, доверие, ответственность, толерантность, социальный оптимизм, общие цели и ценности, социальная гордость и взаимоуважение, взаимопомощь, взаимоподдержка, социальный комфорт, социальный оптимизм.

Наталья Соболева, доктор социологических наук

Интеграция общества — это и процесс, и результат. Синонимы (частичные) — консолидация, солидарность, сплоченность, единение, объединение в целое, сближение, идентичность, солидаризация. Интеграция предполагает объединение в единое целое каких-либо частей, элементов — например, каких-либо стран, их экономик, социальных и политических структур, культур, социальных и политических групп, этносов, партий, движений, организаций. Интеграция может иметь ту или иную доминанту — экономическую, культурную, языковую, военно-стратегическую, политическую, религиозную и т.д.

Интеграция может осуществляться на основе “за” и на основе “против” (общий враг). Важно также особо выделить тему способов — принудительного или добровольного — интеграции. Это важно, поскольку в ряде словарей интеграцию трактуют исключительно как добровольное дело.

Результаты интеграции: 1) усиление, расширение, наращивание, увеличение возможностей как результат кумулятивного эффекта; 2) прояснение, самоидентификация, обретение смысла, самопознание. То есть интеграция — это определение и “мы”, и “я”.

Любопытно посмотреть практическую программу интеграции общества Латвии (нечто похожее есть и в Эстонии, но с более скромными задачами и в более демократичной форме). В ней определены, в частности, параметры интеграции общества, которые предполагают понимание и сотрудничество между индивидами и различными группами населения в рамках единого государства, лояльное отношение к государству, а также осознание того, что будущее каждого живущего в стране человека и его благополучие связаны с ее стабильностью и безопасностью. Целью интеграции общества является формирование демократического, сплоченного гражданского общества, в основе которого находятся общие ценности.

Андрей Зоткин, кандидат социологических наук

Формирование новых общностей (в смысле — что-то общее) или воссоздание старых будет результатом интеграции как процесса безотносительно к политическому устройству или общественному строю. Другое дело, как правильно соотносить сплоченность общества и общие ценности. Общность ценностей может быть и в дезинтегрированном обществе.

Толерантность может быть показателем эффекта интеграции в общество (например, инвалидов), сотрудничество — интеграции в общество. Но в то же время нетолерантность может способствовать интеграции общества или интеграции в общество (отдельных региональных, религиозных, национальных групп) и упрочению их общности (сотрудничества) “против кого-то или чего-то”.

На мой взгляд, показателем интеграции могло бы выступить, среди всего прочего, доверие. То есть то, насколько люди, образно говоря, “расслаблены”, не напряжены по отношению друг к другу, насколько готовы допустить в свой индивидуальный мир разные сферы и субъектов жизни социальной, иначе говоря, отсутствие или размытость границ между индивидом и обществом. Степень его отчужденности свидетельствует об общей дезинтеграции и аморфности системы. В то же время не-

доверие к государству также может быть показателем интеграции в обществе, но с пометкой “против” (как уже отмечалось, интеграция может иметь не только положительный эффект). Также показателями интеграции могут служить соотнесение себя с государством, чувство сопричастности, гордости, гражданская самоидентификация, отношение к другим государствам (в первую очередь, к ближайшим соседям).

Елена Злобина, доктор социологических наук

Для трансформирующегося общества акцент нужно делать не на воспроизводстве системы, а на процессе ее преобразования, в ходе которого происходит соединение или воссоединение отдельных ее элементов в единое целое. Такой подход дает возможность теоретически различать *процесс интеграции* и его результат — *меру интегрированности* общества.

В этом контексте можно, например, представить интеграцию как результат деятельности внешнего субъекта (или обстоятельств) относительно общества или отдельных его составляющих. Это могут быть самые разнообразные субъекты или процессы, например, правящие элиты, международное сообщество, легальная или нелегальная миграция, экспансия новых культурных образцов и т.п. Указанные субъекты или процессы прямо или косвенно, целенаправленно или без определенной цели влияют на ход внутренней интеграции как индивидов, так и групп. В итоге в социально-психологическом измерении можно констатировать объединения “за” что-то или “против” чего-то, которые возникают ситуативно и могут действовать в краткосрочной перспективе или сохраняться на долгосрочных началах. Это важный фактор образования противоречивых конфигураций порядка в условиях социальных изменений, когда дезинтеграция в одних сферах может компенсироваться высоким эффектом интеграционных процессов в других.

Очевидно, что в переходном обществе традиционные показатели недостаточны для обоснованного описания процесса интеграции. В то же время сам принцип исследования интеграции через уровень связанности элементов общества должен быть сохранен. Итак, перспективным будет исследование меры интегрированности путем анализа уровня скоррелированности, скоординированности практик как системы устоявшихся, привычных и лишь частично отрефлектированных действий. При этом интеграция на уровне оценок и отношений общества к существующим элементам системы и переживания себя как части социального порядка уже достаточно долго исследуется в современной украинской социологии. В качестве показателей используют, например, уровень доверия к разным социальным институтам или соотношение общесоциетальной и партикулярной идентификации. Однако, учитывая классическую оппозицию “аттитюды против действий”, реальную оценку уровня интегрированности современного украинского общества вряд ли можно дать без изучения степени распространения общепринятых социальных практик, оценки доли населения, вовлеченного в соответствующие социальные практики.

Илья Кононов, доктор социологических наук

Склонен рассматривать такую постановку вопроса как сугубо идеологическую. Интеграция может осуществляться на разных основаниях. Правда, в любом случае она предполагает соотношение разнородных частей, которые взаимно ориентированы в новой системе. Однородные части могут слабо поддаваться интеграции, так как не нуждаются друг в друге. Это еще Платон показал в своих рассуждениях о разделении труда.

Интеграция может осуществляться стихийно, а может быть интенцией политической воли.

Все то, о чем вы спрашиваете, касается только интеграции гражданского общества. К сожалению, это идеализация, приближающаяся к утопии.

Каков понятийный ряд, описывающий интегрированность общества? Как взаимосвязаны координаты порядка (нормативность — аномийность, стабильность — нестабильность) с лояльностью (принятием или неприятием) существующего порядка? Какие еще координаты могут быть задействованы?

Наталья Черныш, доктор социологических наук

Понятийные ряды, описывающие интегрированность общества (которую мы склонны рассматривать уже как результат, *смысл* которого, даже при большом сходстве, все же сохраняет свои особенности в зависимости от теоретического фрейма), изменяются в зависимости от исходных теоретических положений. Так или иначе, но опыт показывает, что даже в постановке вопросов для дискуссии нужно быть максимально внимательными к формулировке задач. Приведенные в опроснике возможные комбинации понятий (координаты порядка, измерения лояльности) соотносимы, на мой взгляд, в рамках механистической версии с ее углубленным тяготением к выяснению уровня объединенности ценностей и норм и их отражения в повседневных практиках людей.

Андрей Зоткин, кандидат социологических наук

Для описания степени интегрированности общества (то есть результата интеграции) нужно использовать понятийные ряды теорий социальных систем: “открытость — закрытость” системы или отдельных ее составляющих, “четкость — размытость” границ между элементами системы, их “взаимозависимость — независимость”. Если подходить с этой точки зрения, то “устойчивость” (стабильность — нестабильность) также является необходимым рядом.

Упомянутый в вопросе ряд может натолкнуть на определенную эклектику в понимании интеграции и ее результатов. Если нормативность не может быть совместима с неприятием порядка, то аномийность и принятие сочетаемы и даже могут находить какие-либо формы стабильного воплощения (Украина тому яркий пример).

Александр Резник, доктор социологических наук

Для описания интегрированности общества можно использовать такие понятия, как *стабильность, бесконфликтность, нормативность, упорядоченность, равновесие, прочность и устойчивость*. В то же время каждый срез отдельно не может быть решающим в описании интегрированности общества. В частности, принятие населением существующего социального порядка возможно как в условиях нормативности, так и в условиях аномийности. Аналогично стабильность и нестабильность не являются залогом или результатом принятия/непринятия действующего порядка. Например, в украинском обществе, где наблюдается аномия и нестабильность, нет оснований говорить как о лояльности, так и о сопротивлении действующему порядку. Очевидно, что в переходном обществе этих измерений недостаточно для обоснованного описания процесса интеграции. Я уверен, что продуктивное изучение процесса интегрированности возможно на основе изучения меры распространения соответствующих социальных практик (в экономической, социальной, культурной сферах).

Илья Кононов, доктор социологических наук

Думаю, однозначный ответ здесь дать невозможно. Нужно рассматривать тип общества, его конкретное состояние и т.д. Общества модерна — это не законченные состояния, а постоянный поток изменений. Конечно, в этих изменениях на определенных отрезках можно выделить те или иные градиенты. Из категориального набора я бы с осторожностью относился к понятию порядка. Оно чрезвычайно

ценностно нагружено. Порядок употребляется как синоним стабильности. Однако стабильность вовсе не тождественна интеграции. Можно политически господствовать над дезинтегрированным обществом, поддерживая эту разобщенность. Наш правящий класс уже сколько лет использует в своих интересах разобщенность Донбасса и Галичины в региональной системе Украины! Из других понятий, вероятно, следует обратиться к понятийному набору синергетики. Аномия не тождественна хаосу. Сейчас, наверное, целесообразно говорить о степени сочетания порядка и хаоса в разных обществах.

Любовь Бевзенко, доктор социологических наук

Наиболее подходящим понятием для меня является понятие “*степени социальной свободы*” — *степени свободы прежде всего индивидов, членов общества*. Ведь в действительности интеграция, интегрированность как понятие, соотносительное с *социальным порядком*, упорядоченностью, неизменно вызывает вопрос о свободе.

Определение интеграции как связанности, скоординированности практик можно переформулировать как процесс отказа членов общества от части степеней социальной свободы, замыкания их друг на друга. В качестве образа, хорошо иллюстрирующего это положение, может послужить зрительный зал, а лучше — что-то типа огромного поля участников какого-то действия. Это будет для нас модель социального пространства. Пока это просто набор отдельных людей, все они физически перемещаются как кому угодно (имеют много степеней свободы и пользуются ими каждый на свое усмотрение). Если же появляется какой-то интегрирующий фактор — песня, ритм или еще что-то еще, то участники могут начать раскачиваться согласованно. Причем можно сказать, что этот фактор оказался интегратором, активизировав одну степень свободы и выведя из временного употребления другие. При этом нужно отметить, люди не только не чувствуют себя несвободными, а наоборот — испытывают подъем и энтузиазм от факта возникшего единства, интегрированности, согласия.

В случае с обществом *вопрос такого интегрирующего фактора* является наиболее интригующим. Это вопрос, который звучит в задаче поиска национальной идеи. Но находить идеи, кажущиеся пригодными к тому, чтобы быть национальными, рационально это обосновывать можно и даже не так сложно (например, *независимость, национальная культура, государственность* и т.д.), но вот в качестве интегратора такие сконструированные идеи не срабатывают. Почему?

Все мои предлагаемые суждения вытекают из социосоорганизационного взгляда на социальные процессы. Согласно этому взгляду, реальной интегрирующей, объединяющей людей на дорефлексивном уровне (уровне психосоматики, габитуса, устойчивых интенций к практикам) может быть *идея, обретающая способность работать в качестве объединяющего мифа (или игры, если речь о краткосрочной интеграции)*. В мифе реальность переплетается с чудом, втягивая в свой водоворот как сознание, так и бессознательное человека. Современный взгляд на бессознательное — это просто взгляд, лишенный мистического налета, признающий наличие непрозрачности нашего сознания, которое вышло на такие форматы эволюционным путем с целью обеспечения своего оптимального функционирования¹. Эти интегрирующие мифы могут быть разными. Были времена, когда интегрирующую силу выполняли религиозные мифы, имперские мифы, в СССР — коммунистический миф. Тогда поиск национальной идеи — это поиск объединяющего мифа. Удачный опыт такого порядка в нашей истории — первый Майдан. Миф *свободы* прекрасно сработал и объединил, но дальше был быстро разрушен.

¹ Млодинов Л. (Нео)сознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением. — М.: Livebook, 2012.

Активизации одной степени свободы в ущерб остальным могут служить всякие чрезвычайные обстоятельства (война, стихия), когда люди объединяются (интегрируются) вокруг цели, приобретшей мифологическое звучание — не только выстоять, победить, но и перейти в Золотой век после Победы. Подчеркну — о цели как о мотиве здесь говорить нужно очень осторожно, хотя это общепринятый формат высказывания. Цель как мотив работает в ситуации сознательного принятия решения и сознательного отказа от ряда степеней свободы (организационная составляющая социальных процессов). Это интеграция достаточно неустойчивая, поскольку не является габитуально (телесно, бессознательно) укорененной. Новое решение, отказ от цели может ее разрушить быстро, особенно в ситуации экстремальной, когда для сознательных решений нет временных ресурсов. В этом случае включаются эволюционно обусловленные бессознательные резервы, возникает интеграция, которая мотивируется в обход сознательного контроля. И человека просто “выносит” волной желая быть *солидарным* и быть включенным в некое социальное целое. Такая социальная интеграция оказывается достаточно устойчивым явлением.

От понятия *степени социальной свободы* мы легко можем перейти к понятию *социальных норм*, но только в смысле их практикования, а не декларирования в виде прописывания в законах и уставах. Отказ от степени свободы — это подчинение требованию норм “не колебаться в какие-то стороны и, соответственно, колебаться в другие”. И делать это всем, согласованно. Причем если это практики, то речь идет о нормах, присутствующих на габитуальном уровне, выполняемых рутинизировано, дорефлективно.

Здесь уместно скептическое замечание по поводу быстрых и многоплановых реформ, которые, будучи прекрасными на бумаге, демонстрируют неэффективность в жизни. Прописанность на бумаге не обеспечивает практик. Чтобы они стали действительно социальной нормой, они должны перейти на габитуальный уровень. Если Уголовный кодекс и свод моральных Заповедей будут габитуально закреплены у статистически значимой части общества, мы будем иметь высокоморальное и достаточно интегрированное общество. Степени свободы (убивать, воровать, лгать, брать взятки и т.д.) здесь не только декларативно, а и габитуально окажутся блокированными. Но это процесс длительный и значительно более сложный, чем написание законов. А частая смена законов вообще делает перспективу габитуального закрепления очень призрачной. Разрушая одни габитуальные настройки, мы не обеспечиваем другие. Зато аномия, а вместе с ней дезинтеграция обеспечены.

Таким образом мы вышли на один из неочевидных факторов дезинтеграции общества. Сказанное выше позволяет подвести логическое основание под утверждение: частая смена законов, правил — пусть даже самая лучшая — ведет к парадоксальной дезинтегрированности, если это не подкрепляется мерами по габитуальному закреплению этих законов-правил.

То, что мы сейчас наблюдаем у нас, говорит об освобождении части далеко не лучших степеней социальной свободы, подрывающих интегрированность на самом фундаментальном уровне. Все чаще можно читать сообщения о том, что сын убил отца, отец — сына, брат — брата, жена — мужа, пьяные водители сбивают детей на тротуарах, людей на остановках и т.д. Конечно, это следует проверять в том плане, мол, действительно ли имеет место рост этой статистики, но если имеет, то можно говорить — та очень важная степень свободы, которая была связана и на габитуальном уровне, обеспечивала запрет на подобные действия, сейчас начала высвобождаться. Всякое высвобождение — рост энтропии, рост дезинтеграции. И здесь, похоже, разрыв связей идет на самом фундаментальном уровне.

Самая важная характеристика актуального порядка — распределение социальной энтропии по социальному пространству. На уровне отдельных членов это проявляется в чувстве собственной вписанности в социальное целое (или возможности

вписаться, наличия перспективы). Иными словами, это можно назвать *чувством собственной социальной значимости, чувством собственного достоинства*.

Наталья Соболева, доктор социологических наук

Нормативность и лояльность — внешние показатели (координаты порядка). *Стабильность — нестабильность общества* можно понимать как внешний показатель интегрированности, сильной в первом случае, ослабленной — во втором; но вот *ощущение/переживание как стабильности, так и нестабильности в обществе*, как психологические феномены в равной мере могут быть интегрирующим фактором. Консерватизм и традиционализм — готовность к изменениям и инновационность также можно рассматривать как психологические характеристики интегрированности. Наряду с этим доверие, общественное спокойствие, степень уверенности в будущем, страхи и другие показатели социального самочувствия тоже могут быть задействованы для изучения социальной интеграции в качестве внутренних координат интеграции.

Другие возможные для изучения и оценивания координаты интеграции: ценности — интересы — цели — стратегии развития.

Игорь Мартынюк, доктор социологических наук

Лояльность — показатель, указывающий на степень приемлемости/неприемлемости ущемления прав субъекта для него самого. Координаты порядка диалектически связаны с лояльностью — это форма ее существования. Меняется степень лояльности, но существующий порядок какое-то время способен доветь, так как для его изменения необходимо преодолеть инерцию привычки, предпринять “стартовое усиление”. И напротив, когда нелояльность разрушает порядок, взамен тут же начинаются поиски новых форм самоограничения, саморегуляции, протаптывание более удобных тропок, которые предстоит “заасфальтировать” путем ввода через легитимацию в нормативное поле.

Елена Злобина, доктор социологических наук

Координаты порядка были прямо связаны с лояльностью еще Парсонсом, который указывал, что “ни одно общество не может поддерживать стабильность перед лицом разных потребностей и напряженностей до тех пор, пока интересы разных граждан не связаны солидарностью, а также внутренней лояльностью и обязательствами¹”. Очевидно, указанные характеристики действуют и в условиях нестабильности, которая может выступать “лакмусом” интеграции, показывая, насколько она органическая, а насколько — механическая, искусственная. Ситуации нестабильности могут вызывать такие ресурсы интеграции, которые при стабильных условиях никак не проявлялись.

Максим Паращевин, кандидат социологических наук

Нормативность — аномийность являются необходимыми координатами, описывающими интегрированность. *Стабильность — нестабильность*, на первый взгляд, конечно, связаны с интегрированностью, но далеко не привязаны к ней. Ведь интегрированность не является жесткой структурой, а постоянно воспроизводится. Соответственно, нередко для восстановления (или закрепления) интеграции нужны изменения, которые обычно вызывают нестабильность. Но тут нестабильность в конечном итоге ведет не к уменьшению, а к поддержанию или увеличению интеграции. Кроме того, нестабильность может выступать критерием интеграции, показывать, насколько она органична, естественна, а насколько механична, искусственна.

¹ Парсонс Т. Система современных обществ. — М.: Аспект-Пресс, 1998. — С. 36.

Ситуации нестабильности могут вызывать такие ресурсы интеграции, которые в стабильных условиях никак не проявлялись.

Лояльность, безусловно, является обязательным элементом интегрированности. И вопрос тут только в природе этой лояльности — то ли это сознательная, рациональная лояльность, то ли это лояльность традиции, то ли это лояльность страха.

Дополнительные плоскости, в которых может анализироваться интегрированность, — это конфликтность — бесконфликтность, соперничество — сотрудничество, мера схожести реакций на внешние раздражители (угрозы).

Алла Лобанова, доктор социологических наук

Интегрированность общества, полагаю, это одновременно и его характеристика, и его состояние.

В качестве характеристики интегрированность общества можно описать следующим понятийным рядом:

- *объединенность (единение) социальных субъектов* (индивидов, социальных групп, общностей, социальных институций) на основе общепризнаваемых стратегических жизненных целей;
- *целостность (системность) социальных связей* между социальными субъектами на основе сформированных и действующих в обществе социальных институтов и сети социальных статусов и социальных ролей;
- *согласованность (соотнесенность) социальных действий* между социальными субъектами в обществе на основе общепризнанной системы ценностей, социального контроля, социальных и правовых норм.

Как **состояние** интегрированность общества соотносится с такими понятиями, как социальное равновесие, социальный порядок, социальный баланс интересов.

Взаимосвязь координат порядка: нормативность — аномийность, стабильность — нестабильность с лояльностью (принятием или неприятием) существующего порядка, думается, следует рассматривать в контексте ценностных систем социальных субъектов, прежде всего политических и государственных акторов, уровня гражданской культуры в обществе, сформированности — несформированности гражданского общества, уровня жизни населения, наличия в обществе условий для защиты прав и свобод граждан и т.д.

Можно задействовать еще такие координаты, как: устойчивость — лабильность; конструктивность — деструктивность, функциональность — дисфункциональность, сбалансированность — разбалансированность.

В чем специфика социальной интеграции по сравнению с политической и др.?

Наталья Черныш, доктор социологических наук

Что касается вопроса о **специфике разнообразных видов/разновидностей интеграции**, я обращаюсь к определению этих разновидностей. Прежде всего требует уточнения понятие “социальная интеграция”, которое можно толковать в широком и узком значении. Полагаю, социальная интеграция (как предельно широкое понятие) собственно и характеризует ход и направленность процессов интеграции и в отдельном обществе, и в глобальном масштабе. Более узкое понятие социальной интеграции можно употреблять наряду с другими такого же уровня понятиями экономической, политической, культурной и т.п. интеграции, что происходит в определенных сферах общественной жизни. К сожалению, в социологической литературе размежевания такого рода практически не встречаются и смысл используемого понятия приходится реконструировать своими силами. Упрощенно (если использо-

вать *более узкое* понятие социальной интеграции по сравнению, например, с другими разновидностями интеграции) отличие между социальной и политической интеграциями обусловлено анализом в пределах содержательного поля той или иной ее разновидности в соответствии с природой взаимодействующих элементов. На мой взгляд, в *социальной интеграции* в ее более узком *сущностном измерении* социолога в основном интересуют процессы превращения относительно самостоятельных и почти не связанных между собой объектов (индивидов, социальных групп/сообществ, государств) в единую целостную систему, которая характеризуется согласованностью и взаимной зависимостью ее частей то ли через формирование общих ценностно-нормативных представлений, то ли через усиление социальной сплоченности. Сюда же можно отнести и исследования форм поддержания социальными группами определенной устойчивости и равновесия общественных отношений, способность к сопротивлению разрушительным влияниям, к самосохранению перед лицом внутренних и внешних напряжений, усложнений, противоречий. Некоторые социологи вводят в исследовательское пространство социальной (в узком понимании) интеграции процессы установления оптимальных связей между социальными институтами и социальными группами/сообществами, развитие пространственно-территориальных систем коммуникации между разными регионами и т.д.

Е.Суименко, разрабатывая концепт социальной интеграции, справедливо считает, что понятие *социальной интеграции* (очевидно, в узком смысле) соотносится с понятиями *социальной дифференциации* и *социальной дезинтеграции*. Эти парные соотношения разнятся между собой, и их нельзя смешивать. Социальная интеграция и социальная дифференциация, по мнению Е.Суименко, представляют такие процессы или состояния, которые взаимообуславливают и взаимодополняют друг друга, благодаря чему система (социум, группа, государство) живет и движется, находится в устойчивом состоянии, если между ними устанавливается динамический баланс. Следовательно, социальная интеграция и социальная дифференциация представляют собой функциональное единство: социальная интеграция возникает и существует лишь там, где существует дифференцированность, множественное деление, а последнее возможно только в пределах определенной социальной целостности. Соотношение социальной интеграции и социальной дезинтеграции характеризует иной аспект процесса функционирования и развития определенного социума — момент или этап закономерного распада, дробления, упрощения системы, ее редукции к отдельным частям, одни из которых гибнут, а другие приобретают самостоятельное бытие. Дезинтеграция может также означать не распад системы как целого, а выпадение из нее отдельных элементов, частей, которые начинают функционировать по новому алгоритму и двигаться в своем направлении¹.

Иногда в социологической литературе можно встретить анализ близких к социальной интеграции в ее более узком смысле понятий *групповой*, *межэтнической* и т.п. интеграции.

Интеграцию же *политическую* понимают в основном как совокупность политических процессов, направленных на консолидацию, слияние общественных, политических, военных, экономических структур в рамках одного государства или нескольких государств с целью противодействия деструктивным внутренним и внешним факторам².

¹ Суїменко Є.І. Інтеграція соціальна // Соціологія: короткий енциклопедичний словник. — К.: Укр. центр духовної культури, 1998. — С. 206–207.

² Політологічний енциклопедичний словник. — К.: Генеза, 2004. — С. 236–237.

Игорь Мартынюк, доктор социологических наук

Политическая интеграция — иной уровень анализа. Это прежде всего возникновение организационных форм — союзов, блоков, объединений, конфедераций, в конечном счете — форм государственной власти и самих государств как таковых.

Социальная интеграция гораздо шире, она охватывает все сферы жизни общества. Прежде всего социальная интеграция (как и разруха, то есть дезинтеграция) существует в умах, будучи закрепленной традициями, стереотипами, образом мысли и жизни.

Алла Лобанова, доктор социологических наук

Социальная интеграция (процесс), как и социальная интегрированность (состояние, характеристика), является *структурирующей и систематизирующей основой*, для интеграционных процессов во всех остальных сферах жизнедеятельности общества: и политической, и экономической, и образовательной, и культурной, и пр., поскольку ее основными социальными субъектами являются индивиды, социальные группы, социальные институты, которые путем согласованности своих целей, интересов и действий определяют принципы своего единения. В этом и состоит специфика социальной интеграции.

Илья Кононов, доктор социологических наук

Социальная интеграция предполагает такое состояние, когда социальные группы больше нуждаются друг в друге, чем ощущают конфликтный потенциал этих взаимодействий. Это общество, в котором нет зашкаливающего социального расслоения. И еще очень важный момент: это такое состояние общества, когда оно идет по пути роста богатства, достижений, что порождает социальный оптимизм.

Конечно, возможны и иные варианты социальной интеграции: в результате войны, в результате стихийных бедствий, когда выжить можно только вместе.

Социальная интеграция может быть и стихийной, и результатом целенаправленной социальной политики. В последнем случае будет возрастать общая консолидированность общества.

Возможны варианты, когда экономическая интеграция расходится с политической. Скажем, возникновение крупных корпораций может вести к ослаблению политической интеграции (через коррупцию, проникновение во власть и т.д.).

Наталья Соболева, доктор социологических наук

Социальная интеграция является условием самого существования, возможности общества как такового. Взаимодействие и взаимоотношения, обеспечивающие сплоченность общества и чувство “Мы” (универсальная идентичность) на макро-, мезо- и микроуровне, как безусловные и фундаментальные социальные ценности, а не способы достижения иных ценностей — вот специфика, смысл и результат именно социальной интеграции.

Социальная интеграция (если исходным пунктом является индивид, личность) — полное, равноправное включение личности во все необходимые сферы жизни социума, достойный социальный статус, достижение возможности полноценной независимой жизни и самореализации в обществе.

Наталья Бойко, кандидат социологических наук

Социальная интеграция предполагает наличие ощущения социального комфорта в обществе. Чем выше социальная интеграция, тем меньше человек зависит (ориентируется) от политической интеграции, предполагающей поиск врагов, агрессивность и нетолерантность.

Максим Паращевин, кандидат социологических наук

Специфика именно социальной интеграции, вероятно, состоит в том, что она может исходить только снизу, от индивида, тогда как политическая и культурная интеграция может навязываться сверху. Также есть отличие по масштабу: по-моему, социальная интеграция, если идти от индивида, обычно касается небольшого пространственного круга, ограниченного количества людей, тогда как политическая интеграция связана с лояльностью к абстрактным системам.

Как можно проследить интеграцию общества через процессы, протекающие в различных областях: политической, юридической, социальной, образовательной, культурной и т.д.

Любовь Бевзенко, доктор социологических наук

Все эти процессы могут работать как на интеграцию, так и на дезинтеграцию общества. Чтобы это оценить, они должны отслеживаться с точки зрения такого интегрального эффекта их деятельности, как *усиление у людей чувства своей нужности, вписанности в социальное целое, а значит — чувства своего достоинства.*

Отдельно по названным процессам:

Политические: на увеличение чувства достоинства работает все, что заставляет людей верить в значимость, весомость своего голоса на выборах, наличие возможности влиять на деятельность своих избранников между выборами (инструменты отзыва, отчетности, гражданские акты). Все, что ведет к противоположным эффектам, — это фальсификации (присутствующие во мнениях людей — не важно, реальные или нет), забвение избирателей, безответственность перед ними после выборов, ложь в избирательных обещаниях.

Здесь и далее возникает тема *доверия*. Хотя говорить нужно прежде всего о *недоверии* как чувстве, возникающем в результате обмана. Обман — то, что унижает достоинство, фактор дезинтеграции. Поэтому недоверие — признак дезинтегрированности общества.

Правовое поле: Все происходящее в правовом поле работает на интеграцию в том случае, когда вызывает у граждан чувство справедливости как сопряженное с чувством уважения их достоинства (и противостоящее чувству униженности). Выборочное правосудие уже никак на это не работает. Это при условии законов, которые воспринимаются как справедливые. В случае явной избирательности законов (работающих на одну группу и против другой) мы имеем механизм, ведущий к спонтанному формированию локальных сплоченностей (примеры стихийных протестов против милиции, судей, ГАИ, участвовавшие попытки самосуда на дорогах). Актуально появление локальных групп самообороны.

Образовательная сфера: уход от справедливых оценок, коррупция, унижение, которому подвергается ребенок, обладающий интеллектом и знаниями, но не имеющий экономического и социального капитала, — путь к дезинтеграции.

Социальное поле: в широком смысле все вышеназванное — социальное. В узком — социальная несправедливость (унизительные зарплаты и пенсии, невозможность получить медицинскую помощь и т.д.) ведет к активизации тех же механизмов общей дезинтеграции и, если не полной атомизации, то появлению локальных групп самовывживания.

Максим Паращевин, кандидат социологических наук

Интеграция общества и является результатом сочетания интеграции во всех этих областях. Причем речь не идет о наличии одинаковой степени интеграции во всех областях. Где-то она может быть большей, где-то меньшей, где-то практически отсутствовать. Вопрос именно в комбинации на данный конкретный момент, ко-

торый в общем-то является уникальным и непредсказуемым, и можно говорить только о большей или меньшей вероятности сохранения или разрушения интегрированности.

Алла Лобанова, доктор социологических наук

Проследить интеграцию общества через процессы, протекающие в различных областях — политической, юридической, социальной, образовательной, культурной и т.д., — можно при помощи множества методов, например, экспертного анализа, социодиагностических процедур, анализа показателей качества жизни, соблюдения прав и свобод граждан, наличия протестных настроений и т.д., и т.п.

Александр Резник, доктор социологических наук

Именно наблюдение интеграции социальных практик в политической, экономической, образовательной, культурной и др. сферах позволяет делать выводы о социальной интеграции общества в целом. Однако интеграция в каждой из сфер отражает присущую только ей систему координат, тогда как специфика социальной интеграции состоит в определенном балансе степеней интегрированности социальных сфер. Этот баланс зависит от исторической эпохи, глобальных политических и экономических процессов и внутренних вызовов для определенного общества.

Какие кейсы могут быть рассмотрены для анализа процессов интеграции в обществе?

Павел Кутуев, доктор социологических наук

Рассмотрим, в частности, интеграцию в ленинских режимах. Ответом ленинского режима на изменения в окружении становится политика интеграции — истерическое акцентирование классовой борьбы с присущим ей поиском “врагов народа”, акцент на идеологических расхождении, политической дистанции и насилии в отношении общества уже не являются приоритетами. С течением времени на место “режима-крепости” приходит “режим-двор” и, несмотря на нежелание отказаться от своей монополии на власть, начинает уделяться больше внимания проблеме легитимации. С тех пор как Фома Аквинский предложил новую христианскую антропологию, которая позволяла рассматривать человека как природное существо, а не только как члена церковной общины, “Хрущев (инициатор стадии интеграции в СССР. — П.К.) устранил идеологическую почву сталинского догматического противопоставления квазисакрального режима и враждебного, “загрязненного” общества. “Августиновские” недоверие и напряжение уступили место “аквиновской” уверенности в том, что советский режим мог взаимодействовать — а не просто дистанцироваться — со своим окружением (национальным, блоковым и международным) без угрозы мгновенного “загрязнения””. Иными словами, движение советского режима от консолидации к интеграции означало отказ от практики верховенства аппарата безопасности над партией, разрушение статуса сотрудников органов внутренних дел как элитных агентов “султанистского” правителя и их интеграцию в рамках партийного организационного контроля. Эти изменения в статусе и роли превратили аппарат безопасности, по точному выражению Джавита, из оппонента партии в ее неотлучный компонент. Ленинские режимы на стадии интеграции также тяготели к расширению своей социальной базы так, чтобы создавалась возможность политически инкорпорированным элитам общества (новому профессиональному классу) сохранять свою социально-профессиональную идентичность (в противовес требованию трансформационного режима жертвовать профессиональным статусом ради обретения политического статуса и ответственности), одновременно сохраняя институционализированный харизматический статус партийного аппарата.

Трагический “успех” ленинской модели развития привел к формированию нового среднего класса (“разумеется, не в понимании буржуазной собственности, — справедливо отмечает Д.Широт, — но в смысле культуры, образования и стиля жизни”), что также способствовало изменению позиции режима в отношении профес-сионалов: вынужденно-подозрительное использование “спецов” уступает место попыткам их инкорпорации.

С точки зрения структуры организации самого режима происходит переход от командного, волонтаристского и догматического способа действия к политическому лидерству и процедурно-эмпирической ориентации. В плоскости идеологического дискурса интегративные тенденции прослеживаются в отказе от тезиса об обострении классовой борьбы в процессе построения социализма, в разработке концепций мирного сосуществования и “общенародного государства”. Последнее призвано заменить идею и практику “диктатуры пролетариата”.

Валентина Подшивалкина, доктор социологических наук

Попытаюсь остановиться лишь на некоторых моментах, отдавая себе отчет о скромных возможностях собственного вклада в обсуждаемую тему консолидации страны.

Первый мой тезис состоит в том, что мы по-прежнему пытаемся апеллировать к личности граждан Украины, а не к их индивидуальности, что вряд ли соответствует историческому опыту страны и ее современным реалиям, в том числе европейским. Создаются правила, которым гражданин должен следовать, а не правила, по которым он мог бы отстаивать свою индивидуальность. Украинский мир образно — это “сад” субкультур со своими географическими условиями, историей, диалектом, организационными формами деятельности и повседневных практик, многообразием типов характеров, вкусовых предпочтений и т.п. Многообразие жизненных миров современных украинцев заметно затрудняет деятельность политических лидеров во время выборов, основные стратегии которых строятся на личностной концепции, а значит на предсказуемости поведения избирателя. Отсутствие политически корректных идей о будущем страны порождает индивидуальное творчество избирателей в поиске путей самореализации в условиях политической нестабильности. Множество партий одного имени проигрывают не друг другу, а избирателю, который значительно изобретательней в формулировке идей и способов отстаивания своей индивидуальности (и даже продает свой голос). По сути дела, не обсуждаются идеи, которые привлекут всех или многих на избирательные участки, а просчитываются технологии приобретения их голосов. Сомнительными представляются сетования на продажность части избирателей, если учитывать скорость смены политических убеждений тех, кто покупает их голоса.

Второй тезис состоит в том, что в современной украинской дискуссии превалирует риторика индустриализма в духе советской риторики начала 30-х годов XX века. Советскую индустриализацию воспевают не только нынешние коммунисты, но и современная украинская власть. На этом строится и позиция немалой части жителей Востока и Юга, убежденных, что именно их индустриальные регионы создают благосостояние населения аграрного Запада (как известно, в Донецкой области сельское население составляет десятую часть, а в Ивано-Франковской — больше половины всех жителей). Известен тезис из тех же тридцатых советских годов о превосходстве идеологии рабочего класса над идеологией крестьянства. А между тем индустриальные гиганты разных научно-технических революций (“феномен Ливерпуля”) поставили, на мой взгляд, проблему, что с ними делать в эпоху информационных технологий и принципиально новых материалов? Перепрофилировать, демонтировать или превратить в музей? Искусственная поддержка жизнеспособности некоторых индустриальных гигантов (в том числе со стороны России) приводит к бессмысленному проеданию бюджета страны, девальвирует смыслы и

мотивы деятельности работников (пресловутое советское производство ради производства).

Кроме того, современное состояние экономики Украины — это результат советской кооперации огромного военно-промышленного комплекса, который ради сохранения секретности разбрасывал изготовление отдельных секретных деталей по всей необъятной, как тогда говорили, стране. Больше всего от этого пострадала после распада СССР Россия, которая в значительной степени осталась зависимой от производств бывших республик, в том числе и Украины. Как известно, кооперация по-советски решала, в частности, и чисто идеологическую задачу создания единого советского народа за счет глубокой взаимной зависимости промышленностей республик друг от друга. Индустриальный Восток Украины в силу еще сохранившейся зависимости от кооперации с Россией вынужден продолжать в какой-то мере по инерции держаться за эти связи, в том числе в ущерб собственному будущему.

Безусловно, звучат и призывы к модернизации. Но только звучат они как-то неубедительно, в том смысле, что связываются с некоторыми изменениями на злобу дня: новое оборудование и т.п. Модернизация — это прежде всего коренная ломка представлений о том, что такое современная промышленность страны и как использовать потенциал низкоурбанизированных сред (малых городов, поселков, сел).

Существуют ли хоть у какой-то политической силы представления о том, как должна развиваться страна и ее отдельные регионы, в том числе и западные? Сам факт, что жители западных регионов устремились в Киев, не является ли свидетельством признания Киева как столицы страны, в которую они интегрированы, а не Польши или других стран, в историю которых они были интегрированы когда-то?

Третий тезис касается СМИ или, скорее, профессионализма и ответственности журналистов, активно задающих картинку и слоганы, но зависимых от тех, кто борется за Украину как куш. К сожалению, нормой стало отсутствие интереса журналистов к информантам, гражданам страны. На экранах телевизоров, газетных и журнальных полосах и страницах интернета излишне много самих журналистов и сконструированных ими самими виртуальных реальностей, ими же проинтерпретированных со стигматическими псевдоаналитическими заключениями, жесткой риторикой, стигматизацией оппонента, ориентацией не на литературный язык, а на один из “местных” диалектов (как маркер “свой — чужой”) и пр.

В результате, по сути, преобладает пропаганда посягательства на святая святых европейских ценностей — собственность (одного человека или территориального сообщества — неважно), нетерпимости к другим на фоне европейского мультикультурализма, эмоционального отношения к выбору политического вектора без риторики про целерациональное поведение европейца.

В любой сфере идеал профессиональных технологий — это когда функция выполняется, а исполнитель за кадром (почти в буквальном смысле слова). Лучшее здравоохранение — это когда в услугах врачей нуждается меньшее число пациентов, не подозревающих о том, какая работа проводится, чтобы избавить народ от многих недугов. Когда же одна сплошная самодемонстрация, то результат плачевный: нет обеспокоенности и желания разобраться, нет готовности думать о судьбе страны, есть личные амбиции, которые все равно где реализовывать.

Четвертый тезис о языках. Как известно, русские составляют менее пятой части населения Украины, но для многих украинцев русский стал языком межнационального общения, учитывая исторически сложившийся многонациональный состав населения Востока и Юга, в формирование которого внес особую лепту и советский период: миграционные процессы специалистов и рабочих на промышленные стройки, единая техническая документация и т.д. Линейные представления о других территориальных сообществах по типу “больше — меньше”, “чаще — реже” и пр., вряд ли дают ответ на вопрос, как и чем живут регионы страны. По своему менталитету,

по своим культурным традициям украинцы Востока и Юга — это украинцы не хуже и не лучше, а со своим диалектом, со своим укладом жизни, ценностными ориентациями, со своими представлениями о социальной активности. При этом и по профессионализму многие из них не уступают европейским коллегам, и производства свои вывозят в Польшу, и их дети (да и они сами) знают иностранные языки и учатся по всевозможным программам за рубежом, и в Европе (и не только) они бывают не реже, и в патернализм они верят не больше жителей других регионов.

В ситуации, когда логика бессильна, нужен не прагматичный политик, а мудрый моральный авторитет, не только могущий быть принятым внутри страны, но и способный представлять ее на равных на международной арене и продуцировать отрезвляющие метафоры, поддерживающие критичность мышления как на Востоке и Юге, так и на Западе страны для профилактики огруппленного мышления. Увы, пока такого авторитета нет ни у провластной элиты, ни у оппозиционной.

Как взаимосвязаны макро-, мезо- и микроуровень интеграции? Как на этих уровнях можно представить процесс и результат интеграции?

Наталья Черныш, доктор социологических наук

На вопрос о взаимосвязи макро-, мезо- и микроуровня интеграции хочу ответить с некоторым дополнением. Во-первых, с легкой руки Н.Смелзера в мировой социологической мысли теперь различают не три, а четыре уровня социологического анализа и соответственно четыре социологии — микро-, мезо-, макро- и мегауровень и соответствующие социологии. Главной единицей анализа на микроуровне является личность, на мегауровне — социальная группа/сообщество, на макроуровне — общество и крупные социальные процессы, на мегауровне — человечество эпохи глобализации. Очевидно, что интеграционные процессы происходят на всех четырех уровнях, хотя обладают большой спецификой по сравнению друг с другом. Кроме того, образуются взаимосвязи интеграционного характера между личностью и социальной группой, обществом одной страны и человечеством, между социальной группой конкретной страны (возьмем к примеру негосударственные организации) и международными надгосударственными образованиями и т.п. В итоге выстраиваются сетевые структуры разной степени интеграции. Во-вторых, по мнению не менее известного У.Бека, социологию, представителем которой осуществляют исследования на первых трех уровнях, называют “контейнерной”, и она уже недостаточна в эпоху развертывания глобализационных процессов. Именно глобализация заставила коренным образом переосмыслить главный предмет социологии, каким раньше являлось общество, и задуматься над тем, что будет представлять собой человечество как мегасистема — мировой гемайншафт (П.Штомпка использует для его определения классическое понимание сообщества в работах Ф.Тённиса, но с новым прилагательным) или мировой гезельшафт? Разумеется, результатом процессов глобальной интеграции будет качественно новая (по сравнению с обществом) мегасистема, но в среде социологов не утихают дискуссии по поводу характера этой глобальной системы высшего уровня. Поскольку я уже об этом писала, то просто отошлю читателя к одной из моих статей¹.

¹ Черныш Н.И. Глобалізація як фактор ускладнення невизначеності соціології // Вісник ХНУ ім. В.Н.Каразіна. — 2009. — № 881. Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. — Вип. 24. — С. 89–98).

Любовь Бевзенко, доктор социологических наук

Все уровни связаны между собой, и связь эта неоднозначна. Здесь достаточно наглядно работает образ социального пространства как социального ландшафта. Приблизительная схема, хотя без ряда нюансов может выглядеть так:

Макро-уровень	Высокая интегрированность, низкая общая энтропия		Низкая интегрированность, высокая общая энтропия	
Мезо-уровень	Равнинный ландшафт, отсутствие высокоинтегрированных отдельных сообществ	Холмистый социальный ландшафт, наличие “лоскутного одеяла” высокоинтегрированных сообществ, по линиям границ — особые точки рисков	Равнинный ландшафт, высокая степень атомизированности, редкие малые локальные сообщества более высокой интегрированности	На фоне общей высокой атомизированности явно просматриваются сообщества с высокой внутренней интеграцией
Микро-уровень	Баланс свободы и чувства включенности в социальное целое на макроуровне, мезоуровень как бы “провисает“	Чувство включенности в мезосообщества, восприятие макроуровня через мезоуровень	Преимущественно чувство свободы как анонимное. Атомизированность, чувство не вписанности в общество, рост маргинальности	При общем чувстве маргинальности редкие островки сплоченности дают чувство локальной подчиненности нормам и вписанности в эти локальные сообщества

Елена Злобина, доктор социологических наук

Современное состояние украинского общества характеризуется локальной интегрированностью в сочетании со слабой конвенциональностью. Это особенно заметно на мезоуровне интеграционных процессов, когда речь идет о процессах упорядочения на уровне социальных институтов и социальных сообществ. Микроуровень интеграции, отражающий упорядоченность и воспроизводство действий социальных акторов в измерении социальных практик, не гарантирует трансляции этой упорядоченности на более высокий уровень взаимодействия социальных субъектов. В частности, общность социальных практик может иметь вынужденный характер и воспроизводить состояния апатии и равнодушия, которые массово распространяются, но скорее блокируют интеграцию.

Проблемной выглядит и макроуровневая интеграция. В украинских условиях конструирование извне социальной сплоченности не приводило к заметным успехам в течение всей истории независимости страны. Напротив, в российской социологии эта тема весьма популярна и связывается с рядом рекомендаций типа “совершенствования законодательства с целью развития сплоченности”; “конструирования информационного пространства социальной сплоченности с целью трансляции идей интеграции, сплоченности общества, формирования патриотического “гражданского менталитета” с использованием ресурсов СМИ” и т.п. Впрочем, очевидно, что фундамент для воспроизводства органической солидарности закладывается не на макро-, а на мезо- и отчасти на микроуровне. Определить эти условия можно путем исследования конвенциональных практик на уровне межличностных и межгрупповых взаимодействий.

Максим Паращевин, кандидат социологических наук

На макроуровне результатом интеграции является более или менее устойчивое функционирование всей общественной системы, без антагонизмов и катастрофических потрясений. Такое состояние обеспечивается трансляцией норм и ценностей данного общества, действием системы санкций и осознанием большей частью акторов важности, необходимости и правильности существования системы, которую они своими активными (или пассивными) действиями поддерживают.

На мезоуровне результатом интеграции является формирование системы таких взаимоотношений между коллективными субъектами, которые в комбинации не приводят к системным кризисам, поддерживают системные риски на приемлемом уровне либо снижают их. Это приоритет сотрудничества над соперничеством, или, по крайней мере, поддержание соперничества в определенных рамках. Интеграция и становится результатом процесса спонтанного формирования подобной системы отношений.

На микроуровне процесс интеграции — это, по сути, процесс социализации индивида в общество, и процессы, вызывающие девиантное поведение. Результатом этого процесса является формирование (или неудача такого формирования) лояльной личности, принимающей и поддерживающей существующую систему (либо готовой к ее изменению в ограниченных рамках).

Александр Резник, доктор социологических наук

Макроуровень интеграции общества отражает процессы связанности частей общества на социетальном уровне. *Мезоуровень* интеграции объясняет процессы упорядоченности на уровне социальных институтов и социальных сообществ. В свою очередь, *микроуровень* интеграции отражает измерение социальных практик — упорядоченных и воспроизводимых действий социальных акторов. Процесс и результат интеграции можно описывать на всех уровнях. В частности, акцент на социальных практиках может отражать начальную, вынужденную фазу совместных действий отдельных социальных субъектов, одновременно результатом интеграции становится воспроизводимость и предсказуемость социальных практик.

Наталья Бойко, кандидат социологических наук

Мне кажется, что все-таки продвижение идет от микроуровня к макроуровню. Нельзя навязать интеграцию сверху, к ней можно прийти. Хотя (грубо говоря — первоначально) качественное изменение самосознания связано с теми процессами (негативными или позитивными), которые происходят на более высоких уровнях. Для успешного функционирования на микроуровне необходимы внешние позитивные подкрепления. Человеку трудно идти против общего социального течения. В таких условиях социальная интеграция микроуровня не переходит на более высокие уровни, а охватывает только более узкий (близкий круг) общения и функционирования.

Андрей Зоткин, кандидат социологических наук

Если вернуться к началу обсуждения, то “интеграция общества” — это преимущественно макроуровень интеграции: взаимодействие системы с внешним миром, влияние внешних факторов на степень интегрированности общества; “интеграция в обществе” — это скорее мезоуровень; а “интеграция в общество” — это микроуровень.

Наталья Соболева, доктор социологических наук

Это требует практического исследования и описания в зависимости от принятых исходных определений и принципов анализа. Если говорить о массовом со-

знании, например, то похоже, что на уровне общества интеграция осознается как наличие общих бед, трудностей, беспомощности перед властями и т.п., то есть интеграция на негативах. Интеграция на позитивах осуществляется и осознается только на микроуровне.

Игорь Мартынюк, доктор социологических наук

Связь несомненно есть, но прямую зависимость вряд ли можно установить. Микро- и мезоинтеграция — необходимые, но недостаточные условия интегрированности общества. Все же во главе ее детерминирующего начала — интересы.

Илья Кононов, доктор социологических наук

Это — неисследованная территория. Сама постановка вопроса продуктивна и может стимулировать такие исследования.

Подводя итоги дискуссии

Главным результатом обсуждения стало очерчивание возможных зон консенсуса по проблематике интеграции общества и определения перспективных направлений исследований. В частности, зоной консенсуса является признание существующей теоретической почвы как таковой, что открывает широкий круг концептуальных возможностей. Также зоной консенсуса можно считать необходимость четкого выделения координат исследования интеграции. Хотя участники обсуждения работали в разных аналитических плоскостях, соблюдение заявленных подходов позволило избежать искусственных противопоставлений позиций. Третьей зоной консенсуса является значительное насыщение смыслами предложенных для обсуждения тем. Оказалось, что за предложенными вопросами стоит гораздо больше, чем виделось инициаторам обсуждения. Следует также подчеркнуть, что хотя все участники высказывались автономно, их тезисы иногда почти полностью совпадали, а порой оказывались довольно контрверзийными. Надеемся, что читателям материалы круглого стола предоставили возможность самостоятельно определиться в отношении плодотворности и обоснованности декларируемых участниками обсуждения подходов, перспективности предложенных координат исследования, целесообразности проверки предположений и гипотез.

Елена Злобина